

М.Н. Климова

Томский государственный университет

**Из агиографических комментариев к Житию протопопа Аввакума
(«чудо в Андроньевом монастыре» и Житие пророка Аввакума)**

Аннотация: В статье приведена агиографическая параллель к одному из самых известных эпизодов Жития протопопа Аввакума. Это наблюдение уточняет современные представления о месте христианской агиографии в духовной жизни русского человека позднего средневековья.

In this article is considered hagiographical parallels to one of the most famous events of the Life of protopope Avvakum. This remark emends contemporary concept of Christian hagiography of Russian spiritual life in the late Middle Ages.

Ключевые слова: русская литература, Раскол, агиография, христианство и литература, житийная традиция.

Russian literature, Raskol, hagiography, Christianity and literature, hagiographical tradition.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 34-а. ТГУ, научная библиотека. E-mail: Klimova@lib.tsu.ru.

Как известно, с юности пристрастившийся к «чтению книжному» протопоп Аввакум был хорошо знаком с широким кругом древнерусской письменности, что в свое время прекрасно показала Н.С. Демкова [Сарафанова (Демкова), 1962]. Ею, в частности, было выявлено более полусотни упоминаний в сочинениях Аввакума тридцати четырех агиографических текстов русского православия. Случаи скрытого использования житийных материалов в это число, разумеется, не вошли. Между тем, наличие таких случаев представляются весьма возможным, если вспомнить присущую мятежному протопопу яркую субъективность восприятия «чужих текстов» (даже фрагмент Библии под его пером мог получить «интимную» окраску – примером тому известный пересказ ветхозаветного эпизода грехопадения прародителей в Книге обличений [Житие Аввакума, 1991, с. 298–300]). Опыт прочтения в «агиографическом ключе» одного из наиболее известных эпизодов его Жития – пророческого сна о трех кораблях, выявил возможное влияние на этот фрагмент житийных рассказов о преподобном Моисее Мурине. Подмеченная нами агиографическая параллель, с большой долей вероятности определенная на бессознательном уровне образный строй вещего сна Аввакума, была в дальнейшем творчески переосмыслена в процессе его работы над текстом Жития. Это наблюдение высветило новые грани в понимании хрестоматийно известного эпизода [Климова, 2010, с. 37–46]. Предлагаемая статья продолжает эту тему.

Предметом нашего рассмотрения в данном случае будет другой известный эпизод Жития – «чудо в Андроньевом монастыре». Приведем этот фрагмент.

Егда же рассвело, в день недельный посадили меня на телегу и растянули руки, везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чеши кинули в темную полатку, угла в землю, и сидел три дни, не ел, не пил, во тьме сидя, кланялся на чеши, не знаю – на

восток, не знаю – на запад. Никто ко мне приходил, токмо мыли и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен – сиречь есть захотел – и после вечерни ста предо мною не веет – ангел, не веет – человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитвы сотворил, и, взяв меня за плечо, с четью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немношко, и штец дал похлебать – зело прикусны, хороши! – и рекл мне: «Полно, довлет ти ко укреплению!» – не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало. Дивно только – человек, а что ж ангел, ино нечему дивитца – нигде ему не загорожено [Житие протопопа Аввакума, 1960, с. 63].

Проведенное нами сравнение данного фрагмента с изложением того же эпизода по Пряникниковскому списку, сохранившему первоначальную, не дошедшую в автографе редакцию Жития [Житие протопопа Аввакума, 1960, с. 316], и третьей авторской редакции [Житие Аввакума, 1991, с. 37] показало, что в процессе работы Аввакума над Житием эпизод мало подвергался изменениям. Пряникниковский список содержит лишь краткое изложение события, в нем отсутствуют многие подробности, до сих пор поражающие своей художественной выразительностью (например, описание потаенной жизни маленьких обитателей «темной полатки», отразившее свойственное Аввакуму любовное внимание к живой природе). Некоторые из этих подробностей в третьей редакции переставлены. Кроме того, при позднейшей переработке текста Жития автор стыдливо опустил упоминание о собственном голоде (во второй редакции оно дано сразу в двух стилях). Но неизменным во всех трех редакциях остается смысловое ядро чуда: таинственное появление в «темной полатке» неведомого благодетеля, поддерживавшего силы узника простой мужицкой едой. Эта устойчивость не позволяет усомниться в том, что в основе эпизода лежит реальное для автора происшествие, трактовка которого (в отличие от упомянутого ранее сна о трех кораблях) не менялась у протопопа на протяжении всей его работы над Житием. Незабываемым эпизод делают чувственная реальность описанного чуда и парадоксальное соединение в нем «небесного» и земного, сверхъестественного и бытового. (Указанная черта отличает поэтику Жития Аввакума в целом, но анализируемый нами эпизод – одна из наиболее ярких тому иллюстраций.)

Для понимания эпизода может оказаться небезразличной выявленная нами житийная параллель, вероятность влияния которой тем больше, что почерпнута она из Жития святого тезки и покровителя протопопа – ветхозаветного пророка Аввакума¹.

Два с лишним тысячелетия разделяют жизненные пути двух этих людей, и все же поиск возможных «точек схождения» между библейским пророком и вождем русского старообрядчества, на наш взгляд, имеет смысл. Нам представляется, что, удовлетворяя естественное для древнерусского книжника любопытство к личности своего небесного патрона, мятежный протопоп не мог не заметить странного сходства их жизненных ситуаций и судеб. Восьмой из «малых пророков», библейский Аввакум, живший в эпоху вавилонского пленения, остался в истории как автор небольшой по объему, но замечательной в художественном отношении пророческой книги. Эта книга с огромной силой выразила мысли и чувства одинокого праведника в кризисную для его народа эпоху и потому была созвучна переживаниям современника и участника не менее катастрофического

¹Точности ради заметим, что в православном месяцеслове есть еще один святой с этим редким именем – мученик Аввакум Персянин, вспоминаемый Православной Церковью в сонме римских мучеников: 6 июля. Однако нет никаких оснований считать, что будущий вождь консервативного крыла русского Раскола был крещен в его честь. Точная дата рождения протопопа – 20 ноября 1620 г., иногда приводимая в научной литературе [Шашков, 1992, с. 16; Православная энциклопедия, 2000, с. 83] и выведенная на основании косвенных данных, подразумевает, что его святым покровителем был именно ветхозаветный пророк (день памяти 2 декабря).

русского Раскола. Показательно, что знаменитый тезис «праведный своею верою жив будет» (Авв: 2, 4) соратники и последователи Аввакума активно использовали в своей неравной борьбе за «старую веру» на протяжении веков. Драматичный диалог-спор страстно взыскующего справедливости пророка с самим Создателем, переходящий в его покаянную молитву, на наш взгляд, – одна из возможных библейских параллелей (наряду с замеченным самим древнерусским писателем влиянием Книги Иова) к известному эпизоду «бунта» протопопы в его Житии [Житие протопопы Аввакума, 1960, с. 71]. Напомним в этой связи и то иногда смущавшее исследователей своей «нескромностью» место Жития, в котором Аввакум в упоении восторгом спасения от нечаянной смерти называет самого себя пророком [Житие Аввакума, 1991, с. 78]. Едва ли стоит видеть в этой и подобной библейских аллюзиях, примененных автором Жития к собственной судьбе, проявления его будто бы «безмерной гордыни» [Дунаев, 1996, с. 88–91] – в Житии можно выявить немало мест, в которых Аввакум осуждает и даже едко высмеивает свои проступки и заблуждения. (Кстати, смысл упомянутого эпизода («пророк» едва не погиб, подавившись ничтожной крошкой, но был спасен своей маленькой дочерью) состоит именно в утверждении ничтожности человеческого самомнения перед Божественным Провидением.) Называя самого себя пророком и, возможно, помня при этом своего святого тезку, протопоп видоизменяет популярный в древнерусской книжности прием синкрисиса [Фрайданк, 1987], новаторски используя сравнение с персонажем Священной истории для характеристики себя самого (в Новое время так будут поступать многие русские писатели – от А.Н. Радищева до Ф.А. Абрамова). В «нескромном» самоназвании писателя XVII века нам видится очень ранний для отечественной словесности и почти бессознательный опыт авторской рефлексии по поводу своего имени. Отметим, что В.В. Мароши первым исследовавший эту тему, начал хронологический ряд анализируемых авторов с М.В. Ломоносова, вскользь упомянув при этом поэтов русского барокко XVII в. [Мароши, 2000, с. 24–25]. Самосравнение автора с тезоименитым святым (термин «синкрисис» исследователь не использовал) он подметил лишь у писателей, святым тезкой которых был высокочтимый на Руси святитель Никола Мирликийский, – Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова и т. п. Таким образом, и в этом случае пусто-зёрский узник, сам того не ведая, опередил свое время.

Но вернемся к пророку Аввакуму. Биографические сведения об этом библейском персонаже крайне скудны, поэтому при создании его Жития для своего агиографического свода святитель Димитрий Ростовский опирался преимущественно на материалы книги св. Епифания Кипрского о библейских пророках [Жития святых, 1906, с. 35–40]. Значительная часть этого не слишком пространного агиографического текста отведена пересказу полулегендарного эпизода, восходящего к неканонической части Книги пророка Даниила. Действие эпизода относится к периоду вавилонского пленения евреев, которого самому Аввакуму удалось по счастью избежать. Приведем изложение эпизода по первоисточнику.

Был в Иудее пророк Аввакум, который, сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо, шел на поле, чтобы отнести это жнецам. Но Ангел Господен сказал Аввакуму: отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу, в ров львиный. Аввакум сказал: господин! Вавилона я никогда не видал и рва не знаю. Тогда Ангел Госроден взял его за темя и, подняв его за волосы головы его, поставил его в Вавилоне над рвом силой духа своего. И воззвал Аввакум и сказал: Даниил! Даниил! Возьми обед, который Бог послал тебе. Даниил сказал: вспомнил Ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя. И встал Даниил и ел. Ангел же Божий мгновенно перенес Аввакума на его место (Дан: 14, 33–39).

Чудесное путешествие Аввакума в Вавилон в христианской традиции считается символически выраженным предсказанием о благополучном возвращении еврейского народа из плена на родину (впрочем, до этого радостного события пророк не дожил) [Жития святых, 1906, с. 39–40]. Но символическое толкование

эпизода вовсе не исключало возможности его буквального восприятия в качестве наглядного примера исполнения обещания «Праведный своею верою жив будет», некогда данного библейскому пророку его Божественным оппонентом. В буквальном смысле воспринимал этот эпизод Священной истории и протопоп Аввакум, упомянувший его во вступительной части Книги бесед:

...Человек бысть пророк Аввакум, его же принесе ангел от Иеросалима с пищею в Вавилон, в ров к Даниилу... [Житие протопопа Аввакума, 1960, с. 124].

Сходство этого библейского эпизода со смысловым ядром «чуда в Андроньевом монастыре» сомнений не вызывает. Особенно показательно в этом плане сохранение протонародного характера принесенной пищи. Одновременно расхождения в условиях содержания узников естественно повлекли за собой изменения в поведении их благодетелей. В частности, таинственный посетитель протопопа не только дважды прошел сквозь закрытую дверь, но и заботливо помог есть сидевшему на цепи Аввакуму.

Выяснив источник сюжетной основы «чуда в Андроньевом монастыре», перейдем к деликатному вопросу о сущности самого этого явления (как мы помним, для Аввакума оно навсегда стало реальностью, хотя о природе своего таинственного «гостя» он продолжал размышлять даже в Пустозёрске). Объяснения всякого необычного явления естественно располагаются между двумя крайними точками – позицией наивного реалиста и взглядом мистика. Но в реалистических реконструкциях биографии протопопа этот эпизод, как правило, опускается – «чудо в Андроньевом монастыре» негласно считается продуктом помраченного сознания узника. За человека из плоти и крови таинственного посетителя протопопа никто из исследователей не принимал. Слишком уж ощутима ирреальность происходящего в этом эпизоде, проявляющаяся не только в фантастических деталях, но и в этикетной торжественности самого описанного действия – перед нами не столько акт милосердия, сколько поддержка высшими силами борца за веру накануне предстоящей ему духовной брани. Попытавшись объяснить происшествие с мистических позиций, мы также наталкиваемся на ограничение – согласно канонам христианства, посетитель Аввакума не мог быть и ангелом. Ведь даже в открытом чуде мире Ветхого Завета накормить голодного узника мог только человек, ангелу же была отведена роль рупора Божьей воли и «транспортного средства» Каков же в таком случае был статус этого таинственного благодетеля? Явная принадлежность «гостя» к сфере бессознательного постановке такого вопроса не препятствует, поскольку в содержание этой области человеческой психики входят сложные образные отражения реального мира и переживаний реагирующего на него человека.

С позиции психологической науки «чудо в Андроньевом монастыре» было порождением пограничного состояния души протопопа, вызванного тремя днями одиночного заключения в темноте и вынужденного полного поста (в Житии упомянуто, что узник частично потерял ориентацию в пространстве). Незаурядными личными качествами визионера объяснимы не только яркость деталей видения, но и его содержание, в котором нашли свое почти материальное выражение сила духа и непоколебимая вера Аввакума¹. Вера не только в справедливость и богоугодность его борьбы за «древнее благочестие», но и в жизненность книжных рассказов о том, как Бог помогает любящим Его. Руководимые этой верой и мо-

¹ Продолжение этой темы обнаруживается в рассказе Ф.А. Абрамова со знаменательным для нас заглавием «Из колена Авакумова». Его героиня, старообрядка Соломея, брошенная в карцер за отказ работать в сталинском лагере по воскресным дням, силой своей молитвы согревает ледяной застенок и к удивлению ее палачей выходит из него невредимой.

билизованные экстремальной ситуацией силы его могучего организма послали Аввакуму спасительную галлюцинацию, выстроенную по модели житийных рассказов. При этом из галереи «святых помощников» православного агиографического пантеона неосознанно, но безошибочно была выбрана наиболее подходящая кандидатура – его святой покровитель, библейский пророк Аввакум. Впрочем, протопоп так никогда и не узнал своего спасителя, хотя «промежуточный» статус его ощутил очень точно. (Путаница тезоименитого святого православного человека с его ангелом-хранителем наблюдается в обыденном религиозном сознании до сих пор.)

Рассмотренные здесь и ранее эпизоды Жития, в которых духовная жизнь человека позднего средневековья запечатлена в моменты ее балансирования на зыбкой грани сознания и бессознательного, вносят уточнения в современные представления о месте, которое занимала в этой жизни агиография. В научной литературе высказывалось утверждение, что читатель житий искал в них не примеров для подражания, а источник «сердечного умиления» и удивления [Берман, 1982]. Приведенный исследователем пример, Житие Алексея Человека Божьего, сказанное вроде бы подтверждает – немногие за всю историю христианства повторили парадоксальный путь этого святого к Богу. Не стоит, впрочем, абсолютизировать этот пример, поскольку обыденное восприятие данного агиографического сюжета слишком явно противостояло его канонической трактовке. Сочувствие простых читателей и слушателей этого Жития отдавалось чаще покинутым родителями главного героя, чем ему самому, оставившему богатый дом и любящих его людей во имя абстрактных неземных ценностей – неслучайно еще недавно глупых и непрактичных людей в народе называли «алёшами». Обращение к творчеству протопопа Аввакума наглядно показывает, что описанное Б.Н. Берманом восприятие житийного текста средневековым читателем было не единственно возможным. Для мятежного протопопа агиографические рассказы были не только несомненной правдой, неизменно волнующей, как только что происшедшее (так, несколько раз в своем творчестве он вспоминал глубоко поразившую его историю блудницы из Жития Феодора Едесского), но именно «учебником жизни» и примером для подражания. При этом воздействие житийных сюжетов на различные стороны духовной жизни Аввакума было многоуровневым и затрагивало глубины его бессознательного.

Отметим также, что простонародный и бытовой характер «чуда в Андроньевом монастыре» позволяет увидеть в этом эпизоде Жития ранний опыт художественного изображения той примечательной особенности народной веры, которую Н.С. Лесков в одном из своих рассказов с лукавой улыбкой назвал «Бог за пазушкой».

Литература

Берман Б.Н. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык Средневековья. М., 1982.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий: В 6 частях. М., 1996. Ч. 1.

Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. М., 1906. Кн. 4: Месяц декабрь.

Климова М.Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010.

Мароши В.В. Имя автора (историко-типологические аспекты экспрессивности). Новосибирск, 2000.

Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1.

Сарафанова (Демкова) Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18.

Фрайданк Д. Литературный прием синкрисиса в трех древних славянских текстах // Исследования по древней и новой литературе. М., 1987.

Шашков А.Т. Аввакум Петров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1.